

ОГОНЬКИ.

Двѣ смерти на этихъ дняхъ.
Третьяго марта отравившись укусуной эссенцией, умерла гимназистка Пузина.

Пятаго марта еѣ отпѣвали въ церкви Св. Николая, что во Владычной слободѣ и похоронили на Введенскомъ кладбищѣ.

А вечеромъ въ день ея похоронъ скоропостижно умеръ городской судья перваго участка Александръ Александровичъ Герасимовъ и восьмого марта его отпѣвали тоже въ церкви Св. Николая, что во Владычной слободѣ и похоронили тоже на Введенскомъ кладбищѣ.

Не только случайное совпаденіе связываетъ эти двѣ смерти.

Не только унывный стои́тъ погребальнаго колокола, не успѣвшій затихнуть для юной Пузиной и уже зазвучавшій для Александра Александровича.

Унывный стона колокола тянется надъ всею нашей жизнью, все скрывающійся, но все живущій стои́тъ, то полный злости, то тоски, то ужаса.

Такъ горько вырывавшійся въ тоскѣ погибшей Пузиной.

Человѣкъ—царь природы!

Весь міръ подчиненъ его яркой мысли, и такъ радостно весь міръ служить генію человѣка.

А самъ человѣкъ, каждый отдѣльный человѣкъ, бездомочно бьется въ тенетахъ своей маленькой жизни, загнанный какою то дикой несуразностью, одинокій, чужой все́мъ остальнымъ, такимъ же какъ онъ.

Мы знать не знаемъ другъ друга.

Мы знать не хотимъ.

Мы все́ тинемъ на горбу своемъ мѣшокъ своей собственной ноши, тяжесть этой ноши колючими когтями заползаетъ въ наши сердца, скребется тамъ, рождая тоску, и въ тоскѣ этой нарастаетъ сознание одиночества, и въ одиночествѣ своемъ, въ захолаживающей атмосферѣ безразличія ко всему, что внѣ нашего мѣшка, мы забыли другъ друга, мы забыли что рядомъ съ нами бьется въ тискахъ той же жизни такой же какъ мы человѣкъ.

Мы не видимъ чужой, часто непосильной, часто до нельзя перегруженной ноши.

А когда эта ноша заставитъ обесилившаго оборвать свою жизнь или сама своею тяжестью задавить и внезапно приведетъ къ такъ называемой «естественной смерти», тогда только мы замѣчаемъ погибшаго рядомъ съ нами.

Мы никогда не видимъ живого человѣка, насъ приковываетъ къ себѣ только рушъ.

Юная дѣвушка, умирая въ тяжелыхъ страданіяхъ, на все вопросы склонившихся надъ ней и пришедшихъ съ медицин-

скою помощью, отвѣчала:

— А для чего жить? Я такъ много знала горя...

И умерла.

И когда умирала, вокругъ нее были и сестры и начальница гимназій, и учительница и подруги.

И когда умерла, и когда ее хоронили, вся церковь плакала, рыдали юныя подруги, а начальница гимназій успокаивала ихъ и предлагала нюхать нашатырный спиртъ.

А когда жива была, когда билось еще маленькое сердце, когда въ тоскѣ своего одиночества она искала поддержки и жаловалась на непосильно горькую жизнь,—кто слышалъ ее тогда?

Никто.

Намъ нѣтъ дѣла до другого, только гробъ приковываетъ къ себѣ наше вниманіе и тогда мы запасаемся нашатырнымъ спиртомъ.

Похоронили несчастную Пузину, а въ тотъ же день умеръ скоропостижно Александръ Александровичъ.

Ну что же,—горько, жаль честнаго человѣка, но умеръ то онъ естественною смертью.

Нѣтъ не естественною.

Бывали вы въ камерахъ городскихъ судей?

Въ затхлыхъ, крохотныхъ помѣщеніяхъ, съ трудомъ содержимыхъ на отпусаемые гроши.

Въ комнатухѣ набитой народомъ, гдѣ нечѣмъ дышать, протекаетъ повседневная и непрерывная работа судьи.

И какал работа.

Бывали ли вы въ камерѣ судьи перваго участка?

Видали ли, что тамъ творится?

Тамъ полки ломятся отъ дѣлъ.

Тамъ ежедневно поступаетъ дѣлъ втрое больше, чѣмъ можно въ день разобрать.

А вѣдь почти каждое дѣло слушается въ двухъ, въ трехъ засѣданіяхъ.

Какъ снѣжный комъ тамъ накаплиются дѣла.

Александръ Александровичъ, принявъ отъ своего предшественника груды не разрѣшенныхъ дѣлъ, а тотъ въ свою очередь отъ своего предшественника и такъ далѣе.

Эти пуды бумагъ требуютъ работы, работы и работы.

Для добросовѣтнаго человѣка не остается ничего: ни семьи, ни личной жизни, ни возможности удовлетворить свои духовныя потребности.

Изо дня въ день мелькаютъ обложки дѣлъ изо дня въ день нужно писать, непрерывно и напряженно писать, разбираться въ чужихъ нуждахъ, въ чужихъ обидахъ, разрѣшать чужія тяжбы, мирить карать и оправдывать.

И нельзя никуда оторваться, потому что бумажная гора и безъ того не прерывно растетъ.

Безъ ропота, безъ стона Александръ Александровичъ весь ушелъ въ эту варварскую работу.

А придавленное непосильной грудой труда тревожно билось уставшее сердце. Недѣли за двѣ до смерти я видѣлъ въ послѣдній разъ Александра Александровича въ зданіи Съѣзда.

— Что много работы?

— До невозможнаго. Кипы, кипы... И что больше всего дѣйствуетъ, это, что не видишь конца, нѣту конца.

И добавилъ:

— Прямо умереть можно на этой работѣ.

Шутя сказалъ, съ улыбкой.

Но улыбка была не веселая, а изъ за пенса глядѣли утомленные глаза съ тѣмъ растеряннымъ безразличіемъ, которое всегда отмѣчается у переутомленныхъ до нелѣзья людей.

Ясно, что человѣкъ не ратаціонная машина, ясно, что люди вправѣ требовать другъ отъ друга только посильный трудъ, но намъ никому нѣтъ дѣла до ноши другого.

Мы все́ одиноки, какъ въ страданіи своемъ, такъ и въ трудѣ.

Слова Александра Александровича оправдались.

Сердце устало и отказалось биться; оказалось разбираться въ чужихъ нуждахъ разрѣшать тяжбы, карать и оправдывать.

Вчера похоронили.

Собрались вокругъ гроба и отдали свой послѣдній долгъ.

Гробъ всегда приковываетъ къ себѣ наше вниманіе.

Снялъ.

Изъ прошлаго.

(Продолженіе *).

Въ началѣ 1905 года на петербургскій книжный рынокъ поступилъ сборникъ стихотвореній другого поэта вологжанина Е. И. Чернобаева: *Евгеній Чернобаевъ. Стихи. Книгоиздательство «Парма». СПб. Цѣна 60 коп.* Евгений Ивановичъ Чернобаевъ род. въ 1869 г. Въ отроческомъ возрастѣ онъ лишился отца, служившаго землемѣромъ и случайно убитаго своимъ товарищемъ неосторожно задрѣвшимъ заряженное ружье. Несомнѣнно это трагическое событіе и тяжелыя матеріальныя условія, въ которыя попала семья покойнаго, состоявшая изъ шести человѣкъ, наложили какъ мы и увидимъ, неизгладимый отпечатокъ на впечатлительную натуру даровитаго мальчика. Непонятно какимъ чудомъ молодой вдовѣ, оставшейся безъ всякихъ средствъ, удалось дать возможность двумъ старшимъ дѣтямъ продолжать среднее образованіе.

*; См. № 514.

Въ гимназій Ч. обнаружилъ большія способности къ древнимъ языкамъ и родной литературѣ. Не надо забывать, что это было въ самый разгаръ лжеклассической вакханаліи министерства русскаго просвѣщенія, когда не безсмертныя формы греческаго искусства, ни тѣмъ болѣе гражданскіе подвиги Брута и другихъ великихъ народолюбцевъ должны бы заполнить воображеніе и воспитать идеи гражданского долга у подрастающаго поколѣнія, но бессмысленная долбежка грамматическихъ исключеній, тысячей синтаксическихъ тонкостей, терпѣливо отысканныхъ «пугоголовыми» чешско-нѣмецкими учеными колпаками—имѣли въ виду наоборотъ у бить дѣшу живую, заполнить драгоцѣнные школьные годы, отвлечь отъ проклятыхъ вопросовъ, настойчиво, какъ весенняя зелень, пробивающихся въ пытливыхъ умахъ юности.

Счастливая память юности легко справлялась съ хитросплетеніями греческаго синтаксиса, но, увы, оказалась безсильной передъ ариеметикой: наука лавочниковъ не давалась ему совершенно. Не помогли горю ни неизмѣнно полные баллы за русскія сочиненія, ни даже оцѣненные по достоинству успѣхи въ древнихъ языкахъ: гимназію пришлось оставить въ среднихъ классахъ, и скоро нашъ поэтъ мѣняеть, такъ сказать *ut finale* на *ut chorale* *) становясь церковнымъ пѣвчимъ. Известна обстановка этой послѣдней профессіи, (особенно въ провинціи), съ ея доходами, неизмѣнной дѣлечкой въ чайныхъ и трактирахъ, съ ея средой, иногда на половину состоящей изъ «бывшихъ людей». Все это съ одной стороны давало, конечно, извѣстный матеріалъ для наблюденія, но вообще ставило Ч. въ условія совсѣмъ неблагоприятныя для серьезной работы и творчества. Къ этому времени относится литературный дебютъ Ч.: въ «Родинѣ» за 1891 годъ появляется первое печатное лирическое стихотвореніе Е. И., а черезъ три года въ 1894 г. его имя попадаетъ уже на страницы солиднаго «Сѣвернаго Вѣстника». Вскорѣ въ судьбѣ поэта принимаютъ хлопотливое участіе нѣкоторые изъ его друзей, живущіе въ Петербургѣ, и помогаютъ ему «выбраться изъ вологодской тины»: онъ получаетъ мѣсто въ управленіи желѣзныхъ дорогъ и съ 1897 года почти безвыѣздно живетъ въ столицѣ. Когда въ половинѣ девяностыхъ годовъ неутомимый К. О. Жаковъ организуетъ сѣверное книгоиздательство «Парма» (з в р.—обозначаетъ дремучій, непроходимый лѣсъ), то одною изъ первыхъ, выпущенныхъ въ свѣтъ книгъ и былъ упомянутый сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній Чернобаева. Я уже писалъ, что общее впечатлѣніе, оставляемое лирой Ч., сѣроватое. Преобладающій характеръ его произведе-

*) Игра словъ: *ut finale*—название союза въ лат. грамматикѣ, *ut chorale*—нота до. Прим. ред.

ній—мрачно эллигическій. У поэта не мѣтно есть настроеніе, но въ то же время встрѣчаются цѣлыя тирады головныхъ, придуманныхъ стиховъ; есть отдѣльныя счастливыя выраженія, но на одно—десять избитыхъ пріѣвшихся образовъ, сравненій, эпитетовъ. Размѣры заѣжены, какъ весенняя колея. Что касается переводовъ, то большинство ихъ отличается чистотой стихотворной отдѣлки и звучностью, а со стороны *выбора*—вкусомъ. Кромѣ «Майскаго Эхо» польской поэтессы Маріи Конопницкой и «Пѣсенъ о тростникахъ» Ленау есть переводы отдѣльныхъ стихотвореній Казимира Тетмайера и Гейбеля. Подобно савиновскому сборнику отдѣльное изданіе лирики Чернобаева не было замѣчено. Повидимому это обстоятельство сильно угнетало автора, стиховъ его совсѣмъ не появляется въ современныхъ журналахъ; передавали, что онъ пересталъ не то писать (!), не то дѣлаться новыми вдохновеніями даже съ самыми короткими друзьями. Это ужъ немного странно. Что за бѣда, если его поэзія не совпала съ послѣдними вѣяніями времени, что у широкой «публики, воспитанной на самозванческой рекламѣ, преимущественный спросъ на творенія Блока, Рукавишникова, Андрея Бѣлаго, какого-то Саши Чернаго и другихъ озорниковъ или гаеровъ текущей поэтической литературы? Можно припомнить въ исторіи литературы приемы еще ярче. Всего нѣсколько десятилѣтій прошло отъ той эпохи, которая не поняла и не приняла геніальныхъ открытій Тютчевской поэзіи, а въ перлѣ созданія возвела пестрядиную музу автора поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Да и вообще, что это за поэты, г. Чернобаевъ, которымъ нужно непремѣнно получить отъ критики на худой конецъ четыре съ минусомъ? Вы забыли прекрасное сравненіе любимаго Вами, небольшого, но все-же самого настоящаго поэта, Надсона: «Эолова арфа должна зазвучать, если вихрь по струнамъ ея мчится» и далѣе: не можеть не свергаться въ долину ручей, «если солнце потоками вешнихъ лучей растопило снѣга на вершинѣ»?

М. Швецовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Театральное дѣло въ Вологдѣ.

(Окончаніе *).

Едва ли нужно много говорить о томъ, что положеніе русскаго провинціального актера далеко незавидное. Провинціальный актеръ служить далеко не весь годъ. Зимній сезонъ продолжается въ лучшемъ случаѣ пять мѣсяцевъ, въ худшемъ четыре. Актеръ, получающій въ маленькомъ театральномъ дѣлѣ, какъ напимѣръ, въ

*) См. № 516.

Вологдѣ, рубль мѣсяцъ 200 (что надо считать окладомъ выше средняго), заработаетъ за сезонъ 800—1000 руб. Лѣтнимъ сезономъ далеко не все актеры получаютъ ангажменты потому, что лѣтнихъ дѣлъ въ провинціи не очень много. Кромѣ того, лѣтомъ плата актеру меньше чуть ли не вдвое. Слѣдовательно, если актеръ будетъ служить и лѣтомъ (три или три съ половиной мѣсяца), то и тогда за весь годъ онъ зарабатываетъ 1200—1400 рублей. Вотъ и весь заработокъ артиста или артистки, занимающей первыя мѣста въ маленькихъ труппахъ, да и эту сумму актеръ получитъ при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, т. е. если будетъ служить два сезона въ году и если антрепренеръ уплатитъ все деньги. А неплатежъ антрепренеромъ денегъ артисту, какъ известно всѣмъ, бываетъ обычнымъ, хроническимъ явленіемъ.

Этой суммой годового бюджета могутъ располагать наиболѣе счастливые артисты, занимающіе къ тому же первыя амбюа. Что же касается подавляющей массы актеровъ, то она находится куда въ худшихъ условіяхъ. Жалованье отъ 60 до 100 рублей самое обычное для вторыхъ персонажей, а артисты на третьи роли и выходные получаютъ до 30 рублей въ мѣсяцъ.

Бюджетъ артиста покажется совершенно грошевымъ, если принять во вниманіе, что на него надо не только жить въ теченіи года, но и одѣваться. А одѣваться для сцены стоитъ большихъ денегъ. Это особенно чувствительно для артистокъ. Современные пьесы требуютъ модныхъ туалетовъ, избалованная публика предъявляетъ къ артисткѣ въ свою очередь требованія быть чуть ли не моделью послѣднихъ модъ. Не выдержанность стиля въ платьяхъ прошлыхъ столѣтій, отсутствіе шикарныхъ и разнообразныхъ современныхъ костюмовъ—все это ставится на мнущъ артисткѣ и вызываетъ насмѣшки зрителей. Можно себя представить положеніе артистки, принужденной считаться при своемъ скромномъ бюджетѣ съ капризами публики. Немудрено, что провинціальная артистка больше времени удѣляетъ своему туалету, чѣмъ изученію своей роли. Десятки разъ она въ теченіе сезона перекрашиваетъ свои костюмы, разнообразитъ свой туалетъ, мѣняя ленты, прошивки и т. д. И нѣтъ ничего удивительнаго, что большая часть бюджета провинціальной артистки уходитъ на туалеты.

Во время сезона у артистовъ работы очень много. Публика знакома только съ работой во время спектаклей, но и эта работа всѣмъ кажется непосильной.

Выступать въ теченіе недѣли въ пяти спектакляхъ, какъ это бываетъ у насъ въ Вологдѣ, и выступать все время въ разныхъ пьесахъ—работа адская. Нельзя, конечно, при такихъ условіяхъ требовать, чтобы артистъ каждую роль велъ съ под-

омомъ, создавалъ яркій жизненный образъ, отдѣливалъ роль до мелочей,—хорошо, если онъ будетъ знать самую роль. Но публика не знаетъ другой, болѣе трудной и серьезной работы, подготовительной, репетиционной. Каждый день съ утра артистъ уже въ театрѣ на репетиціи; вечеромъ, если нѣтъ спектакля, тоже на репетиціи. Послѣ репетиции дома готовится роли къ слѣдующей пьесѣ. Бываетъ (предъ рождествомъ и масляной) въ день по четыре репетиціи разныхъ пьесъ. При такихъ условіяхъ понятно, что актеръ не только не можетъ «играть» на репетиціяхъ, но даже подобрать правильный, соответствующій роли тонъ. А на рождествѣ и масляной, когда ежедневно ставятся два спектакля, утренний и вечерній, артистъ, окончивъ пьесы въ четыре часа дня, только успѣетъ отдохнуть часа три, какъ въ семь часовъ вечера снова долженъ быть въ театрѣ, чтобы гримироваться и одѣваться для вечерняго спектакля. Тяжесть артистической «работы» усиливается еще тѣмъ, что сама по себѣ эта «работа» основана на нервахъ.

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ зарабатываетъ себя кусокъ хлѣба русскій провинціальныи актеръ. Публика не считается съ этимъ, публика неизмѣнно требуетъ отъ актера хорошей, захватывающей игры, яркихъ образовъ. Зритель неизмѣнно желаетъ получить за тотъ цѣлковый, который онъ заплатилъ за мѣсто, высокаго художественнаго впечатлѣнія. Онъ купилъ актера, а потому тотъ и долженъ доставлять ему удовольствіе. «Вѣдь зритель платитъ, веселія хочетъ онъ».

Театръ, какъ искусство, не можетъ процвѣтать и быть на должной высотѣ въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ. Другое дѣло—положеніе театра въ столичныхъ и большихъ городахъ. Въ столицахъ, гдѣ артистъ выступаетъ въ теченіе сезона всего въ нѣсколькихъ пьесахъ, онъ можетъ отдѣлать роль до совершенства и публика имѣетъ право требовать отъ артиста такой отдѣлки. Артистъ выступаетъ тамъ только въ такихъ роляхъ, которые вполне подходятъ къ его средствамъ, между тѣмъ, какъ у насъ ему приходится играть все, что попадется. Тамъ артистъ имѣетъ возможность изучать свою роль мѣсяцами, у насъ же онъ едва успѣетъ прочесть не только пьесу, а даже и свою роль. Въ столицахъ пьесы идутъ послѣ десятковъ репетицій, у насъ послѣ двухъ—трехъ. Посадите на такую работу столичнаго премьера, и онъ будетъ также безцвѣтенъ и однообразенъ, какъ и наши артисты.

Сложнымъ вопросомъ провинціального театра является вопросъ о репертуарѣ.

Въ столицахъ, гдѣ десятки театровъ, этотъ вопросъ разрѣшается очень просто. Въ каждомъ театрѣ свой репертуаръ и свои новинки. И можно сказать, что тамъ на всякій вкусъ есть свой театръ. Люби-

те драму—идите въ драматическій театръ, любите фарсъ—идите въ соответствующій театръ и т. д. Въ провинціи одинъ театръ долженъ удовлетворять всѣмъ вкусамъ. Вотъ здѣсь то и возникаетъ вопросъ, какого же репертуара долженъ держаться провинціальныи театръ. Въ провинціи твердо установился взглядъ на театръ, какъ на культурное, разумное развлеченіе. И соответственно этому провинціальныи театръ высоко держитъ свое знамя, изгнавъ изъ своего репертуара все пошлое, грязное, рассчитанное на низменные инстинкты толпы. Преобладаніе чистаго идейнаго репертуара въ провинціи объясняется, конечно, не исключительно высокой нравственностью руководителей театра, а главнымъ образомъ тѣмъ, что такого репертуара требуетъ публика, ибо она поддерживаетъ его. Въ смыслѣ идейности репертуара Вологда занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди русскихъ провинціальныхъ театровъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не отдать должное антрепренеру г. Выхреву, въ теченіе шести сезоновъ причавшему публику къ серьезному репертуару и тѣмъ самымъ способствовавшему развитію художественныхъ вкусовъ публики. Провинціальныи театръ долженъ держать публику въ курсѣ всѣхъ выдающихся идейныхъ новинокъ сезона. И это требованіе опять таки вполне соответствуетъ желаніямъ публики: почти все новинки, поставленныя у насъ въ прошломъ сезонѣ, дѣлали прекрасные сборы. Театръ долженъ также знакомить публику и съ новыми теченіями въ жизни сцены: съ новыми постановками, съ новыми завоеваніями театральной техники и т. д. И далеко отъ мысли обращать театръ въ скучное учебное заведеніе, въ школу, куда бы публика шла учиться, жизнь,—театръ является все же развлеченіемъ, хотя и разумнымъ и культурнымъ. Съ этой стороны постановка пьесъ, такъ называемаго, легкаго жанра (легкая комедія, даже фарсъ) вполне допустима.

Въ смыслѣ повышенія требованій публики, въ особенности по отношенію къ постановкамъ, большую роль сыграли кинематографы. Здѣсь зритель видитъ прекрасныя декорации, выдержанный стиль, идеальную инсценировку историческихъ пьесъ. Театру въ этомъ отношеніи невозможно конкурировать съ кинематографомъ: ни одинъ театръ не можетъ обставить такъ хорошо съ внѣшней стороны, напримѣръ, Шекспировскаго «Макбета», какъ это сдѣлаетъ кинематографъ. Театръ можетъ, конечно (не провинціальныи, а столичный), поразить и декорациями, и костюмами, можетъ вывести на сцену живописную толпу, но не можетъ воспользоваться тѣмъ, что является всегда къ услугамъ кинематографа,—именно, природой, тѣми «чуждыми видами», среди которыхъ развивается дѣйствіе предъ кинематографическою лентой. Но зритель долженъ помнить,

что кинематографъ можетъ затратить колоссальныя суммы для одной картины, такъ какъ эта картина въ своемъ путешествіи по всему свѣту съ избыткомъ покроетъ какія угодно затраты. И все же не смотря на все свои достоинства кинематографическая лента будетъ только живой, но нѣмой картиной, а не живымъ дѣйствіемъ.

Мнѣ не рѣдко приходилось слышать, что мѣстная театральная критика чересчуръ мягко и снисходительно относится къ артистамъ. Я не знаю, насколько справедливо это мнѣніе: мѣстная критика, если и мало «ругала» артистовъ, то мало ихъ и хвалила. Въ труппѣ минувшаго сезона только одинъ артистъ рѣзко выдѣлялся среди другихъ своимъ дарованіемъ, но и онъ постоянно находился подъ «недреманнымъ окомъ» критики и одинаково отичалось и хорошее и дурное его исполненіе. «Ругать» легко и не въ этомъ истинная задача критики. Если сравнивать постановку нашего театра съ кинематографами, ансамблемъ и срететовку—съ московскимъ художественнымъ театромъ, а исполненіе отдѣльныхъ артистовъ—съ колоссами русской сцены, то, конечно, и постановка и исполненіе будутъ настолько плохи, что кромѣ отрицательнаго отношенія вызвать не могутъ.

Вопросъ долженъ быть поставленъ нѣсколько иначе: что лучше—быть въ Вологдѣ театру или нѣтъ? Если рѣшить, что театра намъ не надо, то, конечно, смѣло можно принимать все мѣры къ тому, чтобы его сжить со свѣту. Но если театръ, дѣйствительно, культурное учрежденіе, существованіе котораго въ городѣ необходимо, то нужно считаться съ тѣми условіями, въ которыхъ онъ находится. И въ этомъ случаѣ театръ имѣетъ право рассчитывать на поддержку и передового общества и прессы. А условія, въ какихъ находится и театръ, и труженикъ-актеръ понятны всѣмъ, болѣе или менѣе интересующимся театральнымъ дѣломъ и любящимъ его. Задача критики, кромѣ разбора исполненія отдѣльнаго актера, ознакомленія публики съ пьесой, заключается и въ томъ, чтобы развить въ массѣ любовь къ театру, пробудить въ ней отношеніе къ нему, какъ къ чистому, культурному развлеченію. Не «мирволила» мѣстная критика недочетамъ театрального дѣла въ силу задачи, съ искусствомъ общаго ничего не имѣющими и снисхожденіе ея всецѣло должно объяснять сознательнымъ учетомъ всѣхъ обстоятельствъ, въ какихъ находится театральное дѣло въ небольшихъ городахъ. Конечно, критикъ, какъ всякій человѣкъ, можетъ и ошибаться, можетъ, наконецъ, мало понимать въ театральномъ дѣлѣ,—это другой вопросъ, и дѣло публики судить о томъ, насколько онъ на своемъ мѣстѣ и насколько съ его мнѣніемъ надо считаться.

И если театральныя рецензіи могутъ развить хотя бы только въ нѣкоторыхъ читателяхъ любовь къ театру, заставить бы ихъ проникнуться тѣми мыслями, которыми дѣлился авторъ, то театральныи рецензентъ долженъ испытывать высокое нравственное удовлетвореніе: онъ сдѣлалъ то, что хотѣлъ и долженъ былъ сдѣлать.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь!

Господинъ Редакторъ!

Покорнѣйше прошу Васъ помѣстить въ ближайшемъ номерѣ Вашей уважаемой газеты, что напечатанная въ № 505 «Вологодскаго Листка» корреспонденція подъ заглавіемъ «Островскій—не для дѣтей» (отдѣлъ городской жизни) не согласна съ дѣйствительностью. Н. О. Крестяшинъ присутствовалъ на генеральной репетиціи дѣтямъ не запрещалъ и ученики присутствовали.

Любители драматическаго искусства при мѣстномъ заводѣ А. П. Бѣляевъ и К. И. Суворовъ, Богдановъ, К. Леушинъ, В. Малышевъ, Е. Суворова, П. Леушина К. Тонковская, П. Лебедевъ, А. Тонковский, В. Колыгинъ, А. Шороховъ, Т. Лебедевъ, П. Шороховъ, М. Товіева, А. Владимірскій.

БРЫЗГИ СМѢХА.

ФИНАНСИСТЪ.

— А вѣдь налогъ на холостыхъ совсѣтъ не дурная идея...

— Нѣтъ, милѣйшій, налогъ на холостыхъ никогда не принесетъ столько, сколько налогъ на рогахъ.

ОЧЕНЬ ПРОСТО.

— Этотъ человѣкъ всегда полонъ собой.

— Такъ вотъ почему у него такой пустой видъ!

НА УРОКЪ.

Боже мой, какой вы, Петровъ, безтолковый. Ну, возьмите такой прихѣрь: вашъ братъ на казалъ портному лиджачный костюмъ за 64 рублей, а портному такой костюмъ обойдется только въ 42 рубля. Спрашивается, сколько получить портной?

— Ни копѣйки не получить. Ужъ я своего брата знаю.

ДВОЙНОЙ УБЫТОКЪ.

— Ахъ, Коля, не знаю ужъ, какъ и пережить эти тяжелыя времена: все съ каждымъ днемъ становится дороже, и только твои капризы становятся все дешевле.

(«С. Ж.», «Буд.»).